Глава 170.

Внешность может быть обманчива.

Возьмем, к примеру, бледнокожую красавицу с зелеными глазами и красными глазами Хань Болао. Поначалу она казалась просто грудастой светской львицей с безупречными манерами и ангельским смехом. Проходя через комнату, она говорила добрые слова и ласково прикасалась ко всем, кого встречала, и это не шло ни в какое сравнение с ее репутацией. Поняв, что ее имя - омоним ее прозвища - Шрайк, я почти обманулся, думая, что она не более чем жертва раздутых слухов. Я имею в виду, я как нельзя лучше знаю, насколько надуманными они могут быть.

Хотя невежество может быть блаженством, невозможно было оставаться невежественным после того, как Болао ударила кулаком по столу и потребовала немедленно начать Чистку, не желая задерживаться ни на минуту дольше, чем необходимо. Она спокойно сидела во главе стола, ее пыл в глазах и улыбка на ее лице заставляли дрожать мое тело, ее внимание было сосредоточено на чем-то другом, как будто она уже планировала ужасы, которые она причинит. Экстремизм - страшная вещь, которую не стоило видеть вживую, вину жителей деревни доказали после нескольких секунд созерцания.

Если бы я заговорил о "невиновности, пока не доказана вина", лучшим сценарием были бы несколько смешков. Они, наверное, запрут меня за то, что я сумасшедший.

Или еще хуже.

Хотя я знаю, что у Бейлдага не было другого выбора, кроме как сообщить о вспышке Оскверненных, я чувствую тошноту после наших показаний, как будто все, что следует за этим, теперь моя вина. Он кажется равнодушным ко всему этому, еще раз подтверждая мою веру в то, что он подходит лучше, чем я, он способен принять логику массового убийства. Слушание того, как Ючжэнь бесстрастно объясняет, как она планирует это сделать, не помогает. Окружить мирных жителей, гонять их к озеру, собирать толпами для пыток и массовых казней, все это кажется таким нереальным.

Этого недостаточно, чтобы убить, нет, но это было не более чем убийство. Им нужны доказательства порчи, Осквернения, а что может быть лучше, чем труп недавно обращенного Демона? Это извращенная, отсталая логика, которую все принимают, не моргнув глазом, смерти предрешены, простая статистика, о которой не стоит беспокоиться. Хуже всего то, что по ее просьбе меня назначили в отряд Болао, а это значит, что я не могу даже зарыться головой в песок. Чем больше времени я провожу вне дома, тем больше мне не хочется покидать его. С другой стороны, дом теперь для меня Мост, и я не могу сказать наверняка, будет ли там лучше.

Встреча закончилась, я спешу к двери, чтобы подышать свежим воздухом и побыть в одиночестве. Кавалерская атмосфера нереальна, заставляет меня сомневаться в своем здравомыслии. Как эти люди могут быть такими бессердечными? Ни один из них не кажется печальным, многие даже взволнованы перспективой убить Демонов, они жаждкт выполнить свой "гражданский долг" и получить признание за свои старания. Это отвратительно.

— Прапорщик Рейн? — Окликает незнакомый голос, и Джерел бросает на меня взгляд, предупреждая, чтобы я вел себя хорошо, прежде чем продолжить свой веселый путь. Обернувшись, я вижу Дастана Жандоса, прапорщика из Саньшу, отдающего честь. — Вы не уделите мне минутку вашего времени?

Тьфу. Что теперь? Я никогда не говорил с ним раньше, почему он хочет говорить сейчас?

— Это важно? У меня неотложные дела.

— Несколько минут - это все, о чем я прошу. — Он обеими руками протягивает мне запечатанное письмо и ждет, пока я его прочту.

Пропустив все цветистые приветствия, я перехожу к сути дела. По сути, Совет предлагает мне большую награду за мои показания против Ючжэнь. Подняв бровь на Дастана, я отбрасываю все притворства и бросаю письмо на землю. - Вы серьезно? Мы собираемся начать резню десятков тысяч, а вы хотите играть в политику? Вы слышали, чем я занимался, когда отсутствовал, и все еще думаете, что я имею какое-то отношение к Ополчению Матери?

Побледнев, Дастан отступает, поднимает руки в умиротворяющем жесте.

— Мои извинения, я не знал о содержании, меня только попросили передать сообщение и услышать ваш ответ.

— Вот мой ответ: мне плевать на Совет. Все мои действия были на службе Империи. Я охотился на бандитов, потому что это было задание самого маршала. Не было никакого глубокого заговора или хитрого плана, и если мои действия причиняли неудобства Совету, то хорошо. К черту их, они пытались убить меня за мою работу. — Сплюнув в сторону, я отмахиваюсь, едва удерживаясь, чтобы не ударить его. — Извините, мне нужно готовиться к убийству тысяч беспомощных граждан.

Топая обратно к своему лагерю, я успокаиваюсь, когда чищу и запрягаю Мафу, жирный квин слишком взволнован, чтобы стоять на месте. Возможно, мне следовало быть более дипломатичным с Дастаном, но к черту его. Из всех присутствующих я бы подумал, что он самый отзывчивый, учитывая его скромное происхождение. Вместо этого он бегает вокруг, играя в посланника для невежественных, эгоцентричных толстосумов, не заботясь о бедственном положении граждан.

Обняв Мафу, я зарываюсь лицом в его густую шерсть. Я не сержусь на Дастана за то, что он ничего не сделал. Он ничего не может сделать, и я тоже ничего не могу сделать.

Чистка началась, и ничто, кроме Божественного вмешательства, не остановит ее.

И мне повезло, я получил место в первом ряду, рядом с творцом всего этого, Хань Болао.

Вооооуууу....

*****

Мрачное настроение окутывало Зиана, как пелена в груди, когда он сидел верхом на своем жеребце. Незнакомое ощущение пронизывало все его существо, пока он ехал через лес, его ледяная хватка была непоколебима, когда его грудь сжималась, и он уже ничем не отличался от живого трупа. Увидев, как Падающий Рейн демонстрирует свою чистоту, направляя интенсивный поток Ци, осязаемый даже на расстоянии, мир Зиана посерел от одного проявления ошеломляющего таланта, у него во рту остался кислый привкус.

С самого рождения Зиан никогда не испытывал недостатка в прекрасных вещах, будь то

богатство, образование или женщины, ему нужно было только проявить интерес, и все это будет положено к его ногам. Одаренный сверх всякой меры, он достиг просветления в семь лет, Баланса в восемь, усвоил основные Формы к десяти и продемонстрировал опыт к пятнадцати. Величайшие воины в северных и центральных провинциях соперничали между собой, чтобы взять его в ученики, прибывая толпами за шанс доказать, что они достойны этого. Только строгие требования матери и непреклонное желание Зиана следовать за своим героическим дядей Яном не позволяли ему выбрать мастера, но даже без руководства его понимание и мастерство росли как на дрожжах. Выиграть соревнование Общества было так же просто, как перевернуть ладонь, разочарование для молодого человека, жаждущего вызова.

В течение двух лет после соревнований он оставался в штаб-квартире и бесконечно сражался против любого, кто соглашался, ища руководства у старшего поколения, которое было вдвое старше его. Хотя он снова и снова сталкивался с поражениями, он продолжал искать новых противников, чтобы смягчить стиль двух мечей, оставленный его отцом, оригинальная рукопись была разорвана за годы его изучения. По мере того как он взрослел, его навыки оставались на прежнем уровне, а соперники его поколения наступали ему на пятки, но ненадолго. В нежном возрасте двадцати трех лет, во время спокойного сеанса созерцательной медитации после интенсивного спарринга, Зиан впервые сконцентрировал свою ауру, прочно закрепив свое положение величайшего молодого таланта Северной Провинции

В любом случае, Зиан был драконом среди людей, как его дядя и отец до него, так почему же благословенный Сын Неба, такой как он, питал эти чувства ничтожества и неудовлетворенности? Почему все пошло не так? Одно поражение - и все, что он создал, исчезло: ни лица, ни репутации, а теперь - и ни уверенности в себе.

Ситу Цзя Зиан, Восходящий дракон, побежденный простым варваром, падающем Рейном.

Или, возможно, не таким простым. Сунув руку под мантию, Зиан вытащил новые карманные часы - подарок от Рейна. Дрожащими руками он пробежал пальцами по множеству драгоценных камней. Работа мастера, крошечные часы стоили целое состояние, но его мало заботила ценность, его ум был сосредоточен на сообщении, выгравированном внутри: Магистру Шэнь Юнь, десять тысяч лет долголетия и состояния. Довольно обычное приветствие, но оно заставило его несколько часов ворочаться в постели, не в силах разобрать смысл, значение, подтекст. Всем было известно, что он следующий в очереди, чтобы стать Старейшиной клана Ситу, поэтому, если Падающий рейн стремился заслужить благосклонность, зачем обращаться к нему "магистр"? Простая ошибка или есть более глубокий смысл? Тонкая угроза, предупреждающая его дистанцироваться от Общества?

Все это было игрой? Как лучше всего описать Падающего Рейна, нецивилизованный Дирак или хитрый гений? Кем бы он ни был, теперь он ехал во главе процессии в почетном положении, вероятно, дружески беседуя с Шрайком и майором Ючжэнь. Звезда Рейна взошла, а звезда Зиана растворилась в горькой тьме, купаясь в облаках пыли здесь, в конце колонны.

— Молодой господин. — Мягкий голос Дзюкая вытащил его из оцепенения. Взглянув на своего секунданта, Зиан моргнул, когда мир сфокусировался, взгляд пожилого человека был полон беспокойства, они ехали бок о бок. - Нет необходимости сравнивать себя с другими. Их достижения не умаляют ваших собственных.

— А разве нет? — Зиан презирал воспоминания о льстивых подхалимах, восхваляющих его, и презирал себя за то, что позволил всему этому вскружить себе голову. - Кто еще говорит о Ситу Цзя Зиане, кроме как издеваются над моей потерей? С тех пор я тренировался усерднее, чем когда-либо, полностью посвятив себя военному пути, но Падающий Рейн легко превосходит

меня, праздно проводя дни со своими женщинами и домашними животными!

— Определяется ли ценность человека сплетниками? Этот скромный человек видел глубину усилий и страсть молодого господина и знает правду. Может ли он дать свой скромный совет.

Что-то щелкнуло внутри него.

— Хватит заискивать, мне противно. Вы полковник, но я еще не видел, чтобы вы играли эту роль. Еще раз назовите себя смиренным, и я прикажу выпороть вас и уволить со службы. Говорите свободно, без хныканья.

Счастливо улыбаясь, словно его называли "дедушкой", Дзюкай кивнул.

— Тогда ладно. — Приняв вид грубого наставника, он расстегнул воротник и продолжил: — только через признание своих недостатков можно надеяться достичь совершенства. Несравненный гений может никогда не узнать поражения, но величайшие герои испытают его тысячу раз, прежде чем подняться.

В голосе Зиана звучал сарказм.

— Значит, я должен благодарить Варвара за то, что он победил меня? Кажется, я на пути к тому, чтобы стать великим героем.

— Возможно, со временем вы станете им. Благодарите его, но только сердцем и никогда не благодарите открыто. Вы слишком горды для этого.

Шутливая задница. Как бы то ни было, это было заметное улучшение по сравнению с лизанием сапог.

— Объясните. Какие недостатки? Моя техника почти идеальна, и только твое превосходное телосложение и многолетний опыт удерживают меня от победы над тобой. Со временем я стану таким же, как ты, и даже одержу над тобой победу, хотя, возможно, и не в физическом отношении; моя стройная фигура не приспособлена к столкновениям.

Дзюкай имел наглость закатить глаза.

— Это ваше заключение? Простой расчет, и вы считаете себя неспособным победить меня? Неужели сила так тверда и непреклонна? Тогда позвольте мне спросить вас: как Падающий Рейн, уступающий вам по технике, телосложению и возрасту, победил вас?

Резко взглянув на Дзюкая, Зиан удержался от гневного выпада, несколько раз глубоко вздохнув.

— Ступай осторожно.

Равнодушный к его гневу, Дзюкай по-прежнему говорил, не о чем не заботясь, забывая о том, что Зиан рассматривает его как тростинку.

—Это простой вопрос. Вы не думали об этом?

Каждый раз когда просыпался.

— Варварскому щенку повезло.

— Не обманывайте себя, чтобы победить вас, нужно нечто большее, чем удача, хотя я признаю, что мальчик получил свою долю.

— Вы смотрели дуэль? — Дзюкай кивнул, но Зина колебался перед тем, как задать вопрос. — Ваши мысли?

Без предисловий Дзюкай ответил:

— Вы должны были выиграть в девяти случаях из десяти. Что делает еще более важным задуматься о том, как и почему вы проиграли. Вы ведь знаете, почему проиграли?

Этот дерзкий выскочка полковник... Его голос сочился сарказмом, и Зиан ответил:

— Отвечай.

Покачав головой, Дзюкай поморщился.

— Слабость гения, неспособность принять критику. В моих глазах гений и талант ничего не стоят. При всем уважении, ваш дядя Цзя Ян не был гением в молодости, его затмевали многие сверстники. Благодаря усердному труду, самоотверженности и искусной дипломатии он теперь стоит на ступень ниже вершины, в то время как эти гении прошлого стали немногим больше, чем пепел, развеянный ветром.

На лице старого чудака отразилось отчаяние, он молча оплакивал прошлое, пока Зиан нетерпеливо не поторопил его.

— Да, он невероятен, достаточно лести, переходите к делу. Как Падающий Рейн победил меня?

Вздохнув, Дзюкай почесал бороду.

— Честно говоря, такой вывод вы должны сделать сами. Вам это не понравится.

— Объясните

— Ладно, я все равно буду там через несколько лет. — Дзюкай был хорошо подготовлен к этому разговору, слова вылетали у него изо рта. - Он не победил вас, вы победили себя. Вы видели, как он дрался три раза перед вашим матчем. Два матча он выиграл чисто, легко противостоя своим сверхагрессивным соперникам. В сравнении с этим, против менее опытного раба, который защищался, он боролся и даже потерял ногу. Видя все это, вы должны были понять, что Падающий Рейн лучше остается в живых, чем убивает. Лучше было бы не торопиться и держать дистанцию, чтобы заставить его перейти в наступление и измотать его. Вместо этого вы сделали обратное. Вы сражались в ближнем бою, как дурак, и использовали свою силу.

Пока Зиан раздумывал, не расчленить ли его, Дзюкай продолжал болтать, не подозревая об опасности.

— Ваш стиль боя совершенен, но слишком совершенен. Всегда действуя оптимальным образом, он позволяет вашему оппоненту читать вас, как открытую книгу. Падающий рейн инстинктивно охранял свои самые уязвимые места, и вы шли за ними, как идиот. Это не совсем ваша вина, вас всю жизнь называли гением, потому что вы могли проделать Формы без изъянов, но вы не властны над ними. Формы - это ориентир, музыкальные ноты на листе. Молодой мастер - отличный музыкант, но чтобы подняться над своими сверстниками, вы должны научиться сочинять.

Не в силах говорить от гнева, Зиан продолжал ехать молча. Независимо от того, как он подходил к этому спору, он не находил подходящего ответа, никакой дыры в логике дзюкая. Хотя именно дядя Ян приказал ему покончить с этим побыстрее, Зиан должен был понять, что это говорит растущая ярость и истрепанные нервы. Чем больше он размышлял, тем больше ценил проницательность Дзюкая. Хотя критика, как сказал старый полковник, причиняла боль, было важно, чтобы он осознал эти недостатки.

Совершенство - его недостаток, как причудливо и абсурдно. Впрочем, для человека его положения это вполне уместно. В поисках вершины он ослепил себя мыслью, что совершенство - это вопрос перспективы. Оптимальный курс также был очевидным, и поэтому он больше не был оптимальным. Любопытная дилемма. Проглотив гордость, он повернулся к Дзюкаю и спросил:

— Так как мне научиться «сочинять»?

Гордо улыбаясь, старый полковник вздохнул с облегчением.

— О, хорошо, я думал, что мне суждено висеть на веревке. Ужасный путь для воина.

— Запомнил.

— Хаха. Что касается сочинения, я не могу научить вас. Тигр, обучающий дракона охоте, только помешает ему, потому что у Тигра нет крыльев. Каждый человек должен проложить свой собственный боевой путь, шаг за шагом, и только тогда он достигнет вершины. Критикуйте свою работу, изучайте новые возможности, тренируйтесь, потейте, истекайте кровью, и со временем ваш личный стиль обретет форму. Я могу критиковать, так что готовьтесь. Ваши движения слишком негибки…

Пока дзюкай продолжал рассказывать о военном пути, Зиан внимательно слушал, запоминая каждое слово. Хотя дядя был невероятным человеком, он не был лишен недостатков и не мог высказывать свои мысли так же просто, как Дзюкай, старый полковник, дающий краткие, но глубокие советы в каждой фразой. Даже в спарринге, Зиан чувствовал, что он многому научился под руководством Дзюкая, пока дядя не вмешался лично. Почти еретическая мысль всплыла на поверхность, и хотя он пытался подавить ее, она продолжала плавать в его голове, вызывая волны вины внутри него.

Возможно, Зиан ошибся, взяв дядю в Ххозяева. Лучшие учителя не всегда могут быть сильными личностями. В любом случае, время жалости к себе прошло, и хотя он потерял место таланта номер один своего поколения, это уже не имело значения.

Независимо от того, какое препятствие лежало на его пути, Ситу Цзя Зиан достигнет вершины, стоя выше любого перед ним.

http://tl.rulate.ru/book/591/475578